

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ МОНГОЛИИ

ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК VIII

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2015

Главный редактор:
доктор исторических наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Л.Н. Ермоленко**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов**;
доктор исторических наук **Т.Д. Скрынникова**;
доктор философских наук **О.М. Хомушку**;
доктор исторических наук **Л.И. Шерстова**;
доктор исторических наук **С.А. Яценко**

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. VIII. – 316 с.: ил.
ISSN 2307-4671

В журнале представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

Издание подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2015

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL AND RELIGION
SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION
HOVDSKIY STATE UNIVERSITY
MINISTRY OF EDUCATION, CULTURE AND SCIENCE OF MONGOLIA

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VIII ISSUE

Barnaul – 2015

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences);
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences);
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences);
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences);
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences);
S.A. Yatchenko (Doctor Historical Sciences)

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2015. – VIII issue. – 316 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Вадецкая Э.Б.</i> Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры.....	7
<i>Дашиковский П.К.</i> Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II.....	20
<i>Илюшин А.М.</i> Кенотафы и полуkenотафы в культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.....	29
<i>Кожя М.Б.</i> Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса	34
<i>Король Г.Г.</i> Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой торевтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая.....	47
<i>Миягашев Д.А.</i> Окуневские святилища в контексте изучения культовых мест Сибири.....	63
<i>Мунхбат Д.</i> Первые формы религиозных верований, возникших среди древних монголов	73
<i>Нуржанов А.А., Муратова С.Е.</i> Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI–XIII вв.).....	79
<i>Рыбаков Н.И.</i> Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея: VIII–X вв.	93
<i>Сериков Ю.Б.</i> Мегалитические культовые объекты древнего Урала	101
<i>Терновая Г.А.</i> К вопросу о культе огня в погребально-поминальной обрядности средневековых жителей Семиречья (по материалам археологии).....	122

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Традиции охраны и сбережения водных ресурсов у туркмен.....	138
<i>Гельдыниязова О.А.</i> Символика казана у туркмен	152
<i>Монгуш М.В.</i> Христианские общины Тувы: краткий очерк	159

<i>Осмонова Н.И.</i> Слово как символ в традиционной культуре кыргызов	175
<i>Тишков Ю.В.</i> Святилище «Семь менквов» в мифологических представлениях народа манси	189
<i>Ямаева Л.А.</i> Реликты доисламских верований в погребальной обрядности башкир	202

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Брежнева С.Н.</i> Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империей в Туркестане.....	211
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Православные школы в сельской общественной жизни Алтая конца XIX – начала XX в.	223
<i>Дашковский П.К., Зиберт Н.П.</i> Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х – начале 1980-х гг.	230
<i>Дашковский П.К., Шершинева Е.А.</i> Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	242
<i>Жанбосинова А.С.</i> Кампания по изъятию религиозных ценностей в 20-е гг. XX в. как метод борьбы с культом	264
<i>Кацаева М.В., Белецкий А.Ю.</i> Состояние католических общин на Алтае в конце XIX – XX в.	276
<i>Почекаев Р.Ю.</i> От тамги к закяту. Торговые налоги в Средней Азии: между религией и правом (от державы Тимуридов до протекторатов Российской империи)	283

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

<i>Руденко К.А.</i> Рецензия на книгу: Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии	294
---	-----

Раздел V. ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

<i>Дашковский П.К.</i> Вторая международная научная конференция «Религия в истории народов России и Центральной Азии» в Барнауле	302
Список сокращений	307
Сведения об авторах	309

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. Новосибирск, 1986. 191 с.

Давыдова Г.М. Антропология манси. М., 1989. 128 с.

Женщина-богатырь // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 388–400.

Канаки К.В. Омская область. Основные хронологические вехи // Атлас Омской области. М., 1996. С. 50–51.

Менкв // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 2: Мифология манси. Новосибирск, 2001. С. 87–89.

Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / отв. ред. Н.А. Томилов. Томск, 1986. 228 с.

О двух братьях-богатырях и Трехсаженном лесном божестве // Фольклор манси. М., 1994. С. 189–197.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск, 1991. 154 с.

Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. 176 с.

Сат менкв // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 2: Мифология манси. Новосибирск, 2001. С. 128–129.

Очерки Уссурийского края // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 г. Томск, 1897. С. 404–441.

Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009. 756 с.

Яшин В.Б. Новые тенденции в изучении угро-арийских контактов в древности // Народная культура Сибири: мат. VIII науч.-практ. семинара Сиб. регион. вуз. центра по фольклору. Омск, 1999. С. 91–95.

Л.А. Ямаева

Институт гуманитарных исследований,

Республика Башкортостан, Уфа

РЕЛИКТЫ ДОИСЛАМСКИХ ВЕРОВАНИЙ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ БАШКИР

Рассматриваются особенности погребальной обрядности башкир, те специфические черты, которые отличают их ритуал от ортодоксального мусульманского. На основе этнографических и археологических данных автором исследуются черты башкирского погребального ритуала, тождественные обрядам, традиционным для народов, предками которых были племена древнего Турана. Также утверждается тезис о том, что башкирские обряды, связанные со смертью и похоронами, наиболее типичны для верований маздаистского круга, объединенных идеей сакральной нечистоты мертвого. Отпечаток маздаистской идеологии прослеживается в отношении окружающих к трупу умершего, в традиционных мерах предохранения от осквернения людей, земли,

в способах захоронения. Отзвуком доисламских верований башкир являются этнографический праздник «Карга туй» и обряд выкупа грехов умершего «дэуер». В статье делается вывод, что генетические корни традиционного мировоззрения башкир, нашедших отражение в их погребальной обрядности, необходимо искать в традиционном маздаизме. По мнению автора, сохранившиеся в погребальных ритуалах башкир элементы древних верований расширяют представления о хронологических рамках и территории формирования народа.

***Ключевые слова:** башкиры, погребальный обряд, традиционный маздаизм, доисламские верования, выставление трупов, выкуп грехов, подбойная могила, ритуальные трапезы.*

Несмотря на то, что башкиры почти тысячелетие считаются мусульманами, их традиционный погребальный обряд имеет существенные отличия от ортодоксального исламского. К чисто мусульманским относятся такие элементы обряда захоронения, как отсутствие в могиле вещей, кроме савана, поворот лица покойного в сторону киблы¹. Мусульманский ритуал укоренился у башкир примерно с XIII–XIV вв., но одновременно сохранил характерные черты предшествующей местной обрядности.

Многие элементы башкирского ритуала, связанного со смертью, имеют прямые параллели с дозораострийской обрядовой практикой восточноиранских скотоводческих племен древнего Турана, живших на территории современных республик Средней Азии, Казахстана, Урало-Поволжского региона. В Туране господствовал традиционный маздаизм, оппозиционный зороастризму, хотя обе религии восходили к единому истоку – арийскому «язычеству». По мнению крупного российского ираниста Л.А. Лелекова, маздаизм и зороастризм идеологически противостояли друг другу как дуализм и монотеизм. Во-первых, как отмечает ученый, Ахурамазда в «Гатах» (авторство которых традиция приписывает Заратуштре) из бога ариев превратился в божество без племенных и этнических различий, в бога каждого, отдельно взятого индивидуума. Он один и един. А в маздаизме он не один и не создавал прочих богов маздаистского пантеона. Во-вторых, Заратуштра обещал верующим счастье в загробном мире после Страшного суда. Согласно маздаистскому учению, счастье человека мыслилось в земной жизни. Страшный суд и воскрешение мертвых были явно нелепы в такой идеологии. В-третьих, Заратуштра целиком игнорировал культ предков, чтобы отделить эсхатологически ориентированную идею

¹ Кибла – направление на Каабу (Мекка), куда обращаются мусульмане во время молитвы.

индивидуального бессмертия от общинного коллектива предков. У легендарного пророка загробная судьба индивидуума должна была зависеть от него самого, а не от внешних сил, например, обоженных предков (Лелеков Л.А., 1981, с. 228–230).

При сравнении древнебашкирских религиозных представлений, которые нашли отражение в архаическом эпосе «Урал батыр», с учением маздаизма можно обнаружить много аналогий и параллелей. Эти параллели прослеживаются при сравнении башкирского эпоса и древнейшей части «Авесты» – «Большой Авесты», созданной, по мнению Л.А. Лелекова, в дозораострийский период (до «реформы Заратуштры»). Именно эта часть «Авесты», как и эпос «Урал батыр», пронизана четким дуализмом: во всем мире идет борьба света и тьмы, добра и зла, справедливости и несправедливости, жизни и смерти. И долг каждого человека, согласно «Авесте» и «Урал батыру», «помогать добру победить зло». В башкирском эпосе один из персонажей – старик, выпивший из родника с живой водой и обреченный на бессмертие, озвучивает основное кредо маздаистского учения: вечно только добро, благие дела, благие мысли и благие слова, они не пропадут ни на этом, ни на том свете, не сгорят в огне и не утонут в воде (Урал батыр, 1972, с. 124). Это кредо стало одним из основополагающих моральных принципов, определяющих вектор развития всего общественного сознания башкир.

У башкир можно обнаружить элементы древнеиранских верований в обряде похорон. Погребальные обряды любого народа имеют тесную связь с его религиозными воззрениями и всегда отличаются большой устойчивостью. Эти обряды являются надежным признаком для определения культуры, к которой они относятся. Так, в башкирском языке до сих пор бытует устойчивое идиоматическое выражение *куйыу* / «поставить», «ставить», что означает похороны. Башкиры очень редко говорят о похоронах *кумдек*, *ерлянек* / «зарыть в землю». У них до сих пор бытует выражение *эт ашамас* / «даже собаки не едят». Как известно, у иранцев еще в начальный период их исламизации сохранялся обычай не закапывать в землю своих покойников, а «выставлять», т.е. класть их на специальные сооружения – дахмы (в древности оставляли на камнях), где трупы обгладывались птицами или зверьем. Если же труп не трогали ни те, ни другие, то считалось, что покойник плохо прожил свою жизнь. То есть наблюдается аналогия с башкирским *эт ашамас*, что, несомненно, связано с верованиями маздаистского круга.

Отзвуком этих верований в погребальной обрядности башкир является сохранившийся до современности этнографический празд-

ник *Карга туй* / «Грачиная свадьба». Многие башкирские исследователи связывают этот праздник с весенним пробуждением природы и появлением перелетных птиц, в частности грачей¹ (Бикбулатов Н.В. и др., 2002, с. 203). На наш взгляд, правильнее связывать его с культом птиц и древнеиранской традицией выставления трупов. Среди птиц – поедателей трупов и падали, наиболее известны грифы и вороны. В этом ракурсе убедительной выглядит точка зрения известного антрополога Р.М. Юсупова (2008, с. 225) о том, что в древности этот башкирский праздник назывался *Каргас туй*. *Каргас* в переводе с иранских языков означает «гриф».

К реликтам домусульманских верований относится и сохранившийся до сегодняшнего дня среди башкир-бурзянцев обряд «дав-ра» / «дэуер» (Полевые материалы этнографа З.Г. Аминева; Интервью муфтия..., 2013). Суть его сводится к передаче – за деньги или продукты – грехов покойного живым. Этот обычай сохранил архаичные представления о переносе зла, болезней людей на животных, которые были характерны для среднеазиатского маздаизма (Рахимов М., 1953, с. 117–118; Есебергенов Х., 1963, с. 9–10, 13; Писарчик А.К., 1976, с. 125; Бабаева Н.С., 1985, с. 58, 59, 61–63). Необходимо отметить, что обряд выкупа грехов зафиксирован этнографами среди народов (таджики, каракалпаки, башкиры и др.), предками которых выступали древние племена, входившие в культурный ареал верований маздаистского круга. Хотя этот похоронный обряд проводится муллой и считается среди вышеназванных народов мусульманским, никакого отношения к исламу он не имеет. Сама по себе идея выкупа греха противоречит мусульманской ортодоксии с ее учением о загробном воздаянии.

Отдельные элементы башкирского похоронного ритуала имеют прямые параллели с дозорострийской обрядовой практикой древних восточноиранских и среднеазиатских племен, в частности, обычай выноса покойника из дома вперед ногами, обыкновение связывать большие пальцы ног, подвязывать челюсть. Подобные обычаи никак не связаны с официальной исламской догматикой, как и обычай скорейшего удаления тела покойного из дома. Исследовательница погребального обряда у башкир Ф.Ф. Фатыхова пишет: «Умершего старались похоронить в тот же день не позднее полудня, если смерть наступала поутру, а если на закате солнца, то покойник хоронился на другой день» (Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф., 1991, с. 119). В слу-

¹ Грачи прилетают на Южный Урал в апреле, а праздник справлялся в мае – начале июня.

чае, если усопшего хоронили на следующий день, несколько человек охраняли тело, читая заупокойные молитвы. «Умершего стерегли, – отмечает Ф.Ф. Фатыхова, – опасаясь, что он может ожить и превратиться в злого духа» (Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф., 1991, с. 119). Под «злым духом», видимо, имелся в виду древнеиранский персонаж – трупный демон Насу. Согласно поверьям древнего Хорезма, этот демон придавал мертвому телу свойства осквернять все окружающее и поражал несчастьями и болезнями тех, кто соприкасался с трупом (Снесарев Г.П., 1969, с. 130).

С древнейшими представлениями башкир о сакральной нечистоте мертвого связаны, на наш взгляд, отдельные моменты процедуры омовения умерших, перешедшие в мусульманство. Например, для омовения шились специальные рукавицы или мешочки для рук, нос и рот обмывальщиков трупа закрывались повязками. Во время мытья смотреть на покойного не разрешалось, поэтому над телом сооружали *перзе, кулэгэ* / покрывало, шторы из куска тонкой ткани (Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф., 1991, с. 120). Этот ритуал носил рудиментный характер, истинный смысл которого башкирами утрачен. В данном случае это не боязнь осквернения взглядом обнаженного тела, как считают многие, а боязнь причинения вреда мертвым телом окружающим.

Среди оградительных и профилактических мер, призванных нейтрализовать оскверняющие свойства трупа, в башкирском погребальном обряде можно назвать следующие. Перед мытьем или во время мытья тела покойного помещение, в котором совершался обряд, окуривали дымом от сожженной душицы, мяты, березовой чаги или можжевельника. Это делалось, согласно представлениям древних башкир, для отпугивания злых духов. После выноса тела тщательно мыли весь дом и вещи покойного. Дом вновь окуривали дымом сжигаемых трав (Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф., 1991, с. 120, 124). Как известно, окуривание как средство очищения было обязательным в зороастрийском погребальном обряде.

Представление о сакральной нечистоте мертвого и вытекающая из этого боязнь осквернить землю проявилась у башкир в своеобразном ритуале захоронения усопшего. Хотя захоронение производилось в земле, в могильной яме, но сбоку у южной ее стенки делалась особая ниша (*лахет*), не более 70 см вышиной и такой же ширины. В эту нишу клали труп – на спину и лицом на юг. Нишу прикрывали наискось поставленными досками, лубами, драницей или камышом, чтобы насыпанная земля не касалась трупа (Руденко С.И., 2006, с. 230; Бик-

булатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф., 1991, с. 126). Такой вид захоронений, считающийся чисто мусульманским, был типичен для племен Южного Урала раннежелезного века, о чем пишут археологи. Подбойные могилы являлись основными в погребениях сакского времени (вторая половина VII – середина VI в. до н.э. Для памятников сарматского времени Предуралья и Зауралья наиболее характерными были погребения в могильных ямах с подбоем вдоль длинной продольной стенки (Дашевская О.Д., 1984, с. 53; Таиров А.Д., 2011, с. 420–423; Смирнов К.Ф., 1975, с. 157, 158). Позже подбойные могилы получили широкое распространение в кочевнических могильниках Средней Азии (Бухарский оазис, Фергана, Хорезм). Определенную роль в сложении данного типа погребений в отдельных районах Средней Азии, по мнению специалистов, сыграли кочевые племена степного Предуралья (Древняя и средневековая культура..., 1978, с. 191, 194, 291, 292). Таким образом, ритуал захоронения в подбойной могиле был распространен задолго до оформления исламской идеологии, в частности был традиционным для племен раннежелезного века, расселенных на территории проживания современных башкир (Республика Башкортостан, восточные районы Республики Татарстан, отдельные районы Пермского края, Курганской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Челябинской областей Российской Федерации).

Завершают цикл погребальной обрядности у башкир поминальные ритуальные трапезы сразу после похорон, а также на 3, 7, 40-й день после смерти и в ее годовщину. Эти дни поминовения сохранились у башкир с доисламских и даже дозороастрийских времен. Поминальные трапезы, проводившиеся в эти сроки, соответствовали представлениям древних о периодическом кормлении, поддержании души, совершающей свой загробный путь. Поэтому обязательным было в дни поминок «создание жареного, сковородного запаха» / *таба есе сыгарыу*. Поминальная пища у различных групп башкир была разной. Меню зависело как от благосостояния устраивающего поминки, так и от местных традиций в приготовлении пищи. В частности, среди южных и юго-восточных башкир традиционными поминальными блюдами, как и в зороастрийском поминальном ритуале, считались *жэймэ* – тонкие лепешки из пшеничной муки и *бутка* – пшеничная каша на молоке (Руденко С.И., 2006, с. 230; Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф., 1991, с. 131).

По представлениям древних башкир, душа усопшего вылетала в момент смерти изо рта и могла навещать домой в течение 40 дней после нее. В ряде районов Башкортостана в доме, откуда вы-

несли покойника, 40 дней не гасили света, чтобы душа не заблудилась и прилетала на этот свет. Во многих сельских домах башкир над входной дверью в стене вбивался деревянный крюк / *агас сей* – для душ умерших. Согласно доисламским верованиям башкир, души умерших родственников, прежде всего родителей, навевались еженедельно домой в ночь с четверга на пятницу (Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф., 1991, с. 132, 134). Вечером в четверг хозяйки, как правило, пекли пироги или блины, чтобы покормить души усопших запахом жареного / *таба есе*. Такой же обычай существовал также у древних хорезмийцев, когда в день, посвященный культу предков (четверг), жарили *богурсак*, т.е. запахом масла «кормили» духов предков (Снесарев Г.П., 1969, с. 117, 276).

В доисламском мировоззрении башкир, как и в маздаизме, отсутствует монотеистическая эсхатология. Воздаяния за свои грехи, согласно их древним представлениям, человек должен и получает в этом, земном, мире. Вместе с тем в доисламском мировоззрении башкир, как и в древнеиранских верованиях, существовали собственные представления об аде и рае. Так, древние иранцы считали, что «душа в загробном мире отправляется к «горе справедливости» (Чакат-и-Дайтик) и переходит мост Чинват, доступный только самым благочестивым и праведным, ибо, если через мост Чинват переходит праведник, мост расширяется, а если грешник, то мост сужается до ниточки и грешник падает в бездну. Праведник попадает в рай...» (Дорошенко А.Р., 1982, с. 21). У древних хорезмийцев название моста Чинват приобрело арабское звучание – мост Сират, перекинутый через адское пламя. По мнению известного этнографа Г.П. Снесарева (1969, с. 116), «в Среднюю Азию это представление попало уже с исламом». Однако ученый убежден в том, что «мифический мост Сират заимствован из зороастризма при оформлении мусульманской религии». У башкир названный мост, простирающийся над глубоким рвом с вечно горящим в нем огнем, также именовался Сират / *Сират купере*. Но в башкирском варианте по этому мосту могут пройти только батыры-праведники и через него праведника проводит баран белой масти (Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф., 1991, с. 128).

Таким образом, вышеприведенный обзор обрядов башкир, связанных со смертью и погребением, свидетельствует о том, что эта область культа, несмотря на внешние признаки мусульманского ритуала, насыщена специфическими чертами, сближающими ее с верованиями маздаистского круга. Эти специфические черты прослеживаются в отношении окружающих к трупу умершего и в отношении

мертвого вообще; в традиционных мерах предохранения от осквернения людей, земли, в способах захоронения. Эти черты объединяет идея сакральной нечистоты мертвого, что позволяет нам искать их генетические корни в традиционном маздаизме – религии древних восточноиранских и среднеазиатских племен. Кроме того, сохранившиеся в погребальной обрядности современных башкир элементы древних верований расширяют представления о хронологических рамках и территории формирования народа.

L.A. Yamaeva

RELICS OF PRE-ISLAMIC BELIEFS IN FUNERAL RITES OF BASHKIRS

In the article there are reviewed features of the funeral rites of the Bashkirs, those specific features that distinguish their ritual from orthodox Muslim. On the basis of ethnographic and archaeological data the author explores the features of the Bashkir funeral ritual, identical to the rites traditional for peoples whose ancestors were tribes of ancient Turan. In the article there is a thesis that the Bashkirian rituals, concerned with death and funerals, are the most typical to beliefs of Mazdaism circle, united by the ideas of sacred filthiness of a dead. Imprint of Mazdaism ideology can be seen in relation to the surrounding persons to the corpse of a dead, in the traditional measures of protection from the violation of the people, the earth, in the methods of disposition. Echos of pre-Islamic beliefs of the Bashkirs are the ethnographic festival "Karga tuy" and a ritual of redemption of sins of a dead "deuer." In the article it concludes that the genetic roots of the Bashkir people's traditional worldview, as reflected in their funerary rites, are to be found in traditional Mazdaism. According to the author's opinion, elements of ancient beliefs preserved in burial rituals of the Bashkirs extend visions of chronological frameworks and territory of people's formation.

Key words: *Bashkirs, funeral rite, traditional Mazdaism, pre-Islamic beliefs, corpses exhibiting, redemption of sins, liner grave, funeral meal.*

Библиографический список

Бабаева Н.С. Давра – обряд выкупа грехов умершего // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985. С. 58–63.

Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М., 1991. 189 с.

Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002. 248 с.

Дашевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 53–60.

Дорошенко А.Р. Зороастрийцы в Иране: (историко-этнографический очерк). М., 1982. 133 с.

Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978. 327 с.

Есебергенов Х. К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов у каракалпаков (на материале погребальной обрядности): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.

Интервью муфтия Духовного управления мусульман Республики Башкортостан Н. Нигматуллина // Вечерняя Уфа. 2013. 23–29 ноября. №47 (на башк. яз.).

Лелеков Л.А. Рец. на кн.: Бойс М. Зороастрийцы, их религиозные верования и обряды // Народы Азии и Африки. 1981. №3. С. 225–232.

Писарчик А.К. Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976. Вып. 3. С. 118–164.

Рахимов М. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами, у таджиков Кулябской области // Известия Академии наук Таджикской ССР (отделение общественных наук). Душанбе, 1953. Вып. III. С. 107–130.

Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. 376 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. 180 с.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. 386 с.

Таиров А.Д. Погребальный обряд населения пограничья степи и лесостепи Южного Зауралья в раннем железном веке // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: материалы и исследования по археологии юга России. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. III. С. 420–425.

Урал батыр // Башкирское народное творчество. Эпосы. Уфа, 1972. Кн. 1. С. 33–134 (на башк. яз.).

Юсупов Р.М. Погребальный обряд // Башкиры-гайнинцы Пермского края: история, этнография, антропология, этногеномика. Уфа, 2008. С. 210–230.